

Интервью на ходу *Беч. Клуб. - 1995. - 8 июня*

Юрий Наумов больше не хочет скрывать, что он гений

Весна начинается так: дождь — солнце — дождь — тире — точка — тире — в окно влетает Наумов и говорит: "Привет, я снова в Москве".

И пока что лучших примет весны второй год подряд московская публика, думаю, не знает.

Этот блюзовый гитарист, блестящий композитор и очень интересный поэт живо опровергает мнение о том, что не бывает в мире совершенства. Особенно четко это продемонстрировал концерт, состоявшийся в ЦДЛ.

Наумов никого не оставляет равнодушным, но вот странность: сейчас, через пять лет после его отъезда в Штаты, Юра Наумов не просто встретил здесь свою публику в полной боевой готовности, но увидел, что в массе слушателей произошел раскол и теперь каждый из нас исповедует разного Наумова...

За время отсутствия Наумов не потерял способности к изменению, к росту, и те, кто пришел в ЦДЛ "тряхнуть стариной", вспомнив былые хиты, сейчас поняли, что, несмотря на то, что старых песен было довольно много, общий климат безнадежно изменился и ностальгия уже не может быть определяющим фактором восприятия его работ.

— Юр, а как ты там в почву вырастаешь?

— За-ме-ча-тельно. Что важно, за это время в Нью-Йорк подъехало некое количество народа вашего круга и ваших устремлений. Ну это сразу по глазам видно, это люди, которые поступили в разные престижные нью-йоркские университеты, по-выигрывали некие интеллектуальные конкурсы, башкой пробилась в разные 5 — 6-летние программы, и теперь они захаживают там на мои концерты.

А с Брайтоном я никак не связан.

— А нью-йоркская публика тебя понимает?

— Ну представь, что есть неглупый музыкант, достаточно непопсовый, который

тебе вибрацию отдает такую, что тебе она близка.

— А есть элемент недоверия? Нас так долго приучали к мысли, что американцы вообще не любят слушать, как кто-то поет не на английском...

— Ну хорошо: "американцы — козлы и снобы". Ладно. Но русская попсово-роковая музыка котируется не слишком высоко, и люди в России отдают себе в этом отчет. То есть существует некий калибр явлений национальной культуры, который круто стоит, и пока кто-то другой не создает прецедент, воспринимать его не будут. Тут важно, понимаешь, преодолеть калибр, и я его преодолеть могу, я на это тыщу лет положил. Но тем,

кто туда выезжал, — им слабо. А мне не слабо.

— Это теперь?

— Теперь сложнее. В современном песенном жанре англо-американская цивилизация создала стандарт, который Европа преодолеть не смогла. А Россия была за железным занавесом и отвыкалась на каких-то своих отвязках. И был определенный процент народа в Америке, который ждал: вот сейчас занавес падет, а там — крутая страна! Люди в космос летают! И вот занавес упал, и туда поехал Боря Гребенщиков. И после этого — все. А была нейтральная зона. И теперь я уже не в нейтральной зоне, а в негативе сижу. Я это преодолеть смогу, но истрачу на это уже не год, а десять.

— Но это будешь именно ты?

— Я не знаю, но у меня формат просто такой подходящий, я хорошо конвертируюсь. Они ведь не ждут радужных песен: знают, у страны кровавая история и угрюмый быт. И ее лучшими произведениями были произведения темные, мощные, взвинченные. Класс американских и британских песен не в этом, жизнь не поставила их на этот край "гибельного восторга", а я могу об этом петь, потому что гигантский пласт моей жизни просто в этой эмоции рос. Но я могу отдать это так, что Джоннику это покатит, что он может это своими рецепторами воспринять — через звук. А он в звуке вырос. Если ты ему то же самое на

трех аккордах споешь — не понимайт! Не надо косить под них, нужно отдавать свое. Они от "Поролонного города" просто улетают. Я, знаешь ли, играю такой экспортный рок, но — русский! И они это воспринимают как русское искусство.

— А здесь этот формат предусмотрен не был?

— Здесь сейчас смена форматов происходит.

— Ты приехал в Москву писать свой первый официальный альбом. Там будут только старые песни?

— Знаешь, по-моему, важно начать, потому что если бы я начал, допустим, с "Азиатской мессы", то все остальное выглядело бы как определенный шаг назад. А так у меня есть какой-то запас прочности. И потом, понимаешь, они все будут спелты так, как я когда-то хотел...

— Когда выйдет этот альбом и как он будет называться?

— Выйдет он ориентировочно в ноябре, а название его давно дождалось: "Филетовый альбом". Жди...

Софья САДОВАЯ.
Фото
Сергея БАБЕНКО.